

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. **Б. Аревадзе**, Из истории грузино-армянских отношений, Тб., 1967.
2. **И. Гришашвили**, Литературные очерки, Тб., 1964, т. 4.
3. «Теми», 1912, N64.
4. «Саэрто дгесасцаули», 1899.
5. «Цнобис пурцели», 1901, N1452.
6. **Г. Церетели**, Грузино-армянские отношения, Тб., 1986, т. 3.
7. **И. Чавчавадзе**, Письма о литературе и искусстве, Тб., 1986, т. 3.
8. Газ. «Советакан Врастан», 1941, N 36.
9. **Г. Канкава**, А. Исаакян и грузинская письменность, журнал «Мнатоби», 1961 N9.

ՎՐԱՍՏԱՆԻ ԵՎ ՎՐԱՑ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ԲԱՐԵԿԱՄԱՆԵՐ՝ ԳԱՐԻԻԵԼ ՍՈՒՆԴՈՒԿՅԱՆ ԵՎ ԱՎԵՏԻԷ ԻՍԱԿՅԱՆ

Ն. ԿԱԽԱՇՎԻԼԻ

Հոդվածը նվիրված է հայ մեծանուն գրողներ Գաբրիել Սունդուկյանին և Ավետիք Իսահակյանին, ովքեր եղել են վրաց ժողովրդի և նրա գրականության մեծագույն բարեկամները: Հեղինակի կողմից նրանք հիշատակվում են որպես Սայաթ-Նովայի հետնորդներ՝ հայ և վրաց ժողովուրդների միջև դարերի ընթացքում հաստատված ավանդական բարեկամական հարաբերությունների պահպանման գործում:

G. SUNDUKYAN AND A. ISAAKYAN – FRIENDS OF GEORGIA AND GEORGIAN LITERATURE

N. KAKHASHVILI

In the work attention is paid to, how was appreciated Great writers G. Sundukyan and A. Isaakyan by the Georgian literature. It was clear for Georgian writers that G. Sundukyan and A. Isaakyan had been going the way of Saiatnova, in private he had been going on the century – old tradition for consolidating the friendship between the Georgian and Armenian People. For his part, G. Sundukyan and A. Isaakyan were quite modest towards the receptivity that had being express by the Georgian people towards them. The friendly relationship between Armenian and Georgian writers was the auspicious factor for good neighborhood relationship between these two nations.

«МЕНЯ ЗОВУТ САЯТ-НОВА, НО Я АРУТЮН»

Н. М. СОЗАШВИЛИ

Доктор филологических наук, Ассоц. профессор

В восемнадцатом веке рядом с грузинским литературным творчеством торговцы и ремесленники создали своеобразную поэзию, которая называется ашугской поэзией.

Ашуги сочиняли свои стихи в основном на трех языках: грузинском, армянском и азербайджанском. Стихи сочинялись устно, так как среди ашугов мало кто был грамотным. Они выражали общую боль народов Закавказья. Поэтому их песни были одинаково близки сердцам грузин, армян и азербайджанцев.

Видным представителем ашугской поэзии был Саят-Нова. По национальности он был армянином, но до тридцати лет сочинял стихи и пел только на грузинском языке. Потом он начал сочинять на армянском и азербайджанском языках. Саят-Нова всей своей душой любил Тбилиси и, это часто выражал в своих стихах.

Несмотря на восточное (персидское) происхождение, ашугская поэзия у нас приняла национальный, грузинский облик (это было вызвано освоением традиций грузинского классического стиха) и ее основой стал тбилисский говор.

Об ашугской поэзии справедливо можно сказать, что она никогда не считалась главной линией нашей поэзии, но нельзя отрицать и то, что она является одним из естественных ответвлений грузинской поэзии.

Общеизвестно, что у истоков грузинской ашугской поэзии стоит талантливый поэт Саят-Нова. Грузинский Мухамбази связан как раз с именем Саят-Нова. Целые поколения тбилисских ашугов не смогли остаться вне влияния его поэзии. Это отразилось и на грузинской классической поэзии. Мухамбазские напевы чувствуются в поэзии Александра Чавчавадзе, Григола Орбелиани, Акакия Церетели. Они (особенно Акакий Церетели) придали новый национальный колорит и грузинское изящество чужой по происхождению стихотворной форме и дополнили ее новым содержанием.

Литературная родина Саят-Нова — исторический, старый Тбилиси. А три языка в его поэзии — органическая часть исторической и культурной жизни Тбилиси. В то время азербайджанский и армянский языки в столице Грузии, как и национальный язык, пользовались гражданскими правами. Поэтому его грузинские и армянские стихи одинаково экзотические и стилизованные (он не признает древний литературный армянский язык, чужим является для него и грузинский литературный язык, поэтическая речь Саят-Нова не принадлежит ни одному из них). Он пишет стихи и поет для жителей старого Тбилиси. Его поэтическая речь ни в грузинских, ни армянских стихах не носит «общенациональный» характер. Саят-Нова — прекрасный артистический образ исторического старого Тбилиси.

Стилистический эклектизм стихотворений Саят-Нова — его любимая естественная слабость и, выработанная им в городе артистизма странников, форма выражения. Его художественно-языковой материал пестрый, как тбилисский, исторически сформированный и отшлифованный орнамент. Цивилизованное соседство персидского, арабского, татарского и армянского населения проявлялось в соответствующих лек-

сических образцах: отдельное поэтическое слово получало представительный характер и находилось на весах истории.

Саят-Нова безраздельно не принадлежал ни к одному народу. Ему нравилась собственная литературная судьба. Тбилиси избрал его не сухим историком, а художественным олицетворением собственной исторической судьбы. Его поэтический синтаксис в грузинских и армянских стихотворениях денационализирован и является богемной и стилизованным преодолением многонациональной диффузии. В конструкциях его поэзии видны уровень денационализации Тбилиси семнадцатого и восемнадцатого веков. Он смягчен поэтическим интимом Саят-Нова, глубокой интонацией, или блестящим романтическим темпераментом.

Далее этот «уровень» станет неуязвимым и станет неким литературным индексом поэтической экзотики в многогранной летописи грузинской поэзии.

Поэзия старой Тбилиси с самого начала носит восточно-ашугский характер; поэтому слова Саят-Нова выделяются своей оригинальностью в грузинской разговорно-бытовой речи. Он, в свою очередь, обогатил и развил тбилисский песенный фольклор и язычно-видовые нормы. Но, мы предполагаем, что кроме литературных персидских подражаний на нем сильно повлиял фольклор уличных исполнителей и бродячих певцов.

В плену стереотипов восточной поэзии Саят-Нова никогда не находился. Он сохранил свое лицо и свою манеру. Рядом с любовными стихами в его песнях часто слышны национальные и социальные мотивы.

В гордо сказанных им словах: «Я свирель грузинского царя» - слышна идея единой, непобежденной врагами Грузии и борьба за осуществление этой идеи. Его блестящая метафора - «Чтоб не стемнело, какой прекрасный день», произнесенная им в честь царя Ираклия...- имеет глубокий смысл. Высказав это, он знал, что поражение царя Ираклия, ослабление его власти значило в то время падение всего Закавказья.

Саят-Нова был представителем простого народа, мелких торговцев и ремесленников. Поэтому в его поэзии хорошо показан порыв низших слоев населения, испытавших трудность и бедность существования. Эта линия сопровождает всю ашугско-городскую поэзию и является главным признаком ее жизнеспособности и жизнедеятельности.

В научной литературе давно известно то, что грузинские стихотворения Саят-Нова хронологически предшествуют турецко-персидским, а турецко-персидские стихи — предшествуют армянским. Но это не значит, что после ухода (1765г) из дворца Ираклия, после посвящения в священники, а потом в монахи в Ахпатском монастыре, он больше не сочинял стихотворения на грузинском языке.

Думаем, нужно принять во внимание мнение Левана Менабде о том, что многие стихотворения Саят-Нова на грузинском языке потеряны.

Когда читаем стихотворения Саят-Нова на грузинском языке, мы удивляемся. Неужели такие же трогательные они на армянском, турецком

и персидском языках?! Знаем и то, что всякие сомнения излишни. Остается только поверить тем поклонникам его таланта, которые знают эти языки.

Часто отмечают, что Саят-Нова с некоторой гордостью всегда обращал внимание на свое низкое происхождение и скрыто противопоставлял себя аристократическому слою. Иногда явно чувствуется вызывающий тон его стихотворений. Вспомним параллелизм известных строк:

«Я преданный, быть вероломным не хочу,
Я крестьянин, быть князем не хочу».

Ужаленный злыми языками и без причины униженный ашуг умалляет царя восстановить справедливость и повторяет:

«Я крестьянин, на землю брошенный...»

От несправедливых обвинений и клеветы он падает в отчаяние:

«Чтобы не услышал я тот грузинский».

Верный «царский свирель» предпочитает смерть такому оскорблению и говорит своему повелителю:

«Если Кура не погубит меня, упаду в море».

История знает много примеров гнева царя и изгнания придворных поэтов. Ясно одно — Саят-Нова пережил тяжелую драму и болезненно испытал расставание с царским двором.

Для мастера слова самым заветным желанием является высказать свою мысль в совершенной форме. Именно этой цели преследовал и часто достигал «свирель грузинского царя».

Известный ашуг осознавал свои редкие способности, и умело щеголял: «Пусть никто не скажет — кто свирель!

Знаю аз да буки, продвинулся вперед словом.

Меня зовут Саят-Нова, я — Аругюн,

Скажу слово — небо загремит».

Этот голос оказался удивительно стойким, исполненным поэтическим воодушевлением и жизнерадостностью.

Жемчужиной любовной лирики Саят-Нова является одно стихотворение, где удивительно непосредственно выражено желание быть вместе с любимой, объясняться с ней. Как будто неуклюжие фразы носят оттенок непосредственной беседы:

«Я не голодный, пришел не для того, чтобы поесть,

С тобой хотел поговорить, для этого пришел!..

Хочу переночевать и встретить утро, для этого пришел,

Забыл, не могу сказать, для чего пришел»!

Когда читаешь такие живые, дрожащие строки, уже не удивляешься тому, что ни черная анафора монаха и ни обязательное однообразие скованного в тавтологические рифмы мухамбази не удержали бы жар горячего сердца Саят-Нова. Его душа была полна лучами тбилисского жаркого солнца, и его голос был пронизан особенной благодатью.

Когда возникла опасность нашествия персов, он отправил свою семью

в Моздок и отдал им тетрадь со своими стихотворениями (грузинские стихи, к сожалению, исчезли, а армянские — записаны грузинскими буквами). Сам Саят-Нова не смог расстаться с любимым городом, не смирился с тем, чтобы умереть вдали от него.

Исследователи отмечают, что отец Саят-Нова, алепоийский армянин приехал в Тбилиси в поисках счастья. Здесь он женился на грузинской женщине и родился у него сын — в будущем большой ашуг, прославленный поэт. Лучше такого счастья и не нашел бы бедный армянин, ведь его род стал бессмертным благодаря его сыну, рожденному в Тбилиси.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Кекелидзе, Ал. Барамидзе, История грузинской литературы, т. 1, Тбилиси, 1954, стр. 199-200.
2. Грузинская поэзия, т. 16, Тбилиси

«ԻՆՁ ԱՍՈՒՄ ԵՆ ՍԱՅԱԹ-ՆՈՎԱ, ԲԱՅՑ ԵՄ ԱՐՈՒԹՅՈՒՆ ԵՄ»

Ն. Ս. ՍՈԶԱՇՎԻԼԻ

Հոդվածը նվիրված է հայ մեծանուն բանաստեղծ ու երգահան աշուղ Սայաթ-Նովային, ով հանդիսանում է նաև վրացական աշուղական արվեստի հիմնադիրը: Հեղինակը ներկայացնում է Սայաթ-Նովայի ստեղծագործության ինքնատիպ վերլուծություն՝ տալով նրա բանաստեղծական վեհ արվեստի ու հիանալի շնորհի ուրույն մեկնաբանություն:

MY NAME IS SAIAT-NOVA, BUT I AM ARUTYUN

N. SOZASHVILI

It's known that the founder of Georgian Oriental poetry is the talented Armenian poet Saiatnova. Based on Georgian sonority "Mukhambazi" is connected with the name of Saiatnova. Diverse character and nature of Saiatnova's poetry, its unusual style and amazing capacity of poetical expression is discussed in this work.